

ЗАЩИТИТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ В. Д. СПАСОВИЧА В ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ 1870-х гг.

М. С. Чернова

(Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»,
кафедра литературы и межкультурных коммуникаций)

В статье анализируются защитительные речи адвоката В. Д. Спасовича на судебном процессе по так называемому «нечаевскому делу». Они вводятся в историко-литературный контекст второй половины XIX в. и через речь В. Д. Спасовича доказываются опосредованное влияние романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» на создание образа Петра Верховенского в романе Ф. М. Достоевского «Бесы».

Имя В. Д. Спасовича по праву принадлежит истории российской юриспруденции. Его адвокатская деятельность, научно-юридические труды и судебные выступления являются предметом изучения правоведов, историков, философов. Защитительные речи В. Д. Спасовича на судебном процессе по делу «О заговоре, составленном с целью ниспровержения существующего порядка управления в России», так называемом «нечаевском деле», являются признанным образцом адвокатского искусства. Однако эти выступления получили большой резонанс не только в общественно-политической, но и культурной жизни России 1870-х гг. Значение судебных речей В. Д. Спасовича в историко-литературном контексте требует отдельного анализа, направленного на осмысление проблем литературного процесса во взаимосвязи с проблемами социума.

Судебный процесс, начавшийся 1 июля 1871 г. по делу участников политической группы «Народная расправа», руководителем которой был С. Г. Нечаев, как фабульная основа романа Ф. М. Достоевского «Бесы» не был обойден вниманием литературоведов. В качестве адвоката А. Кузнецова на этом процессе выступал В. Д. Спасович, защитительная речь которого рассматривается лишь как один из источников романа Ф. М. Достоевского «Бесы». Однако связь между идеями и образами «Бесов» и оценками В. Д. Спасовича участников данного дела является двусторонней.

Еще до начала суда писатель задумал роман как «вещь тенденциозную», в котором намеревался вскрыть идеологические и этические причины появления в русской действительности С. Г. Нечаева и нечаевцев. Анализируя идейные искания молодого поколения и оценивая их суть с нравственно-этической точки зрения, писатель сумел разглядеть экстремистские тенденции, наметившиеся в освободительном движении 1860 – начала 1870-х гг., которые зачастую оборачивались на деле уголовщиной, прикрытой революционной фразой. Пронимая всю глубину опасности подобных берраций, Ф. М. Достоевский не мог согласиться ни с демократической беллетристкой, создававшей идеализированный образ борца за

народное счастье, ни с карикатурно-памфлетным изображением деятелей революционного движения в антиинициативных произведениях.

Роман «Бесы» начал выходить в журнале «Русский вестник» с февраля 1871 г., поэтому В. Д. Спасович не мог его не читать. Более того, судя по его защитительной речи, адвокат разделял озабоченность Ф. М. Достоевского идейными исканиями молодежи.

Вслед за автором романа «Бесы» В. Д. Спасович назвал Нечаева «искусителем», словом, которое входит в семантический ряд понятия «бес» [1, т. 2, с. 52]. В его речи Нечаев выставлен как фигура демоническая и зловещая, не способная испытывать жалость ни к себе, ни к другим. Действительно, по приказу Нечаева был убит студент Иванов, десятки молодых людей, причастных к «нечаевскому делу», были приговорены к каторге и ссылке, были сосланы в Сибирь соблазненные пропагандой Нечаева простые солдаты – охранники Алексеевского рavelина Петропавловской крепости, где он отбывал наказание. «Этот страшный, роковой человек, где бы он ни останавливался, приносил заразу, смерть, уничтожение. Есть легенда, изображающая поветрие в виде женщины с кровавым платком. Где она появится, там люди мрут тысячами. Мне кажется, Нечаев совершенно походит на олицетворение этой моровой язвы», – подчеркивал В. Д. Спасович [2, с. 244, 246].

Характеризуя Нечаева как фигуру демоническую, В. Д. Спасович так или иначе отсылает к образу Угрюм-Бурчеева, персонажу романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города». Связь идей Нечаева с «систематическим бредом» бывшего професа из романа М. Е. Салтыкова-Щедрина является очевидной [4]. Своего градоначальника жители города Глупова «трепетными губами» называли «сатаной», а на картине в глуповском храме сам сатана был изображен так, будто он «всякое естество в себе победил» и на все мучения мог взирать «хладным и непонятливым оком» [3, т. 8, с. 398–399].

В комментариях к полному собранию сочинений Ф. М. Достоевского, отмечается, что, наряду с хроникой судебного процесса по нечаевскому делу, именно речь В. Д. Спасовича натолкнула писателя на мысль «дорисовать облик Верховенского, охарактеризовав его тактику главного беса» [5, т. 12, с. 265]. Однако в данном случае необходимо внести уточнение. Как показано выше, сравнение Нечаева с сатаной, прозвучавшее в выступлении В. Д. Спасовича, было продиктовано образом Угрюм-Бурчеева. Поэтому правомерно сделать вывод, что благодаря речи В. Д. Спасовича на окончательную характеристику Петра Верховенского оказали опосредованное влияние «фантазии» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В. Д. Спасович соотнес преступные действия Нечаева с «Катехизисом революционера», по которому человеческую жизнь предписывалось рассматривать лишь как «часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение» [6, с. 247]. Подобные декларации, снимающие со всех членов тайной организации этические запреты и моральную ответственность, почти дословно повторил в романе Ф. М. Достоевского бесноватый Шигалев.

Однако именно В. Д. Спасович впервые представил Нечаева революционером, в личности и поступках которого соединились черты героя и злодея. Под влиянием этой оценки Ф. М. Достоевский усложнил образ Петра Верховенского, по первоначальному замыслу, «мошенника» и «комического уродца». В окончательном варианте романа Петр Верховенский предстанет «необыкновенным по уму человеком», обладающим в то же время «обидчивостью и невыдержанностью характера» [5, т. 11, с. 303], а в главе «Иван Царевич» автор со всей определенностью подчеркнет бесовство героя, который ради «дела» готов, не задумываясь, пролить кровь.

Ф. М. Достоевский разделял высказанное в защитительной речи убеждение В. Д. Спасовича, что «всякие и благородные дела, совершаемые во имя блага народа, никогда не цементируются невинной, напрасно пролитой кровью» [2, с. 264]. В последней рабочей тетради автор «Преступления и наказания» и «Бесов», словно продолжая мысль адвоката, еще раз подчеркнет, что ни террор, ни террористы не должны вызывать сочувствие: «Забыли, негодяи, что крепко-то не у тех, которые кровь прольют, а у тех, чью кровь прольют. Вот он – закон крови на земле [5, т. 27, с. 46].

Литература

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык. Медиа, 2003.
2. Спасович, В. Д. Дело о государственном преступлении, так называемое, «нечаевское». Речь в защиту Алексея Кузнецова / В. Д. Спасович // Избранные труды и речи. – Тула : Автограф, 2000. – С. 241–265.
3. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений : в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М. : Художественная литература, 1965–1970.
4. Чернова, М. С. «Что считать за правду»: В. Д. Спасович и Ф. М. Достоевский о так называемом «нечаевском деле» / М. С. Чернова // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна. – 2010. – № 1. – С. 47–55.
5. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972–1989.
6. Ларин, А. М. Нечаев и нечаевцы / А. М. Ларин // Государственные преступления в России. XIX век. Взгляд через столетие. – Тула : Автограф, 2000. – С. 243–283.